

Лунный свет проникал сквозь оконную решётку, ветер просачивался сквозь щели в стенах деревянной хижины, издавая завывающие, рыдающие звуки.

—...

Юноша проснулся от сна, потёр глаза. В полусне он внезапно обнаружил на кане сидящую со скрещенными ногами тёмную фигуру с прямой спиной, каждый мускул напряжён до лёгкой дрожи, казалось, она изо всех сил сдерживала какую-то боль.

— Учитель? — юноша полностью проснулся и поднялся. — Учитель, что с тобой?

Он проворно бросился вперёд, но в следующий момент молодой человек протянул руку, останавливая его:

— ... Не подходи...

— Неужели снова началось?!

Молодой человек, с которого градом катился холодный пот, покачал головой, вероятно, хотел что-то сказать, но из его рта вырвался совершенно не сдерживаемый крик страдания!

Юноша растерялся, его грудь бурно вздымалась, он замешкался на несколько секунд, затем скатился с кана и побежал к углу хижины зачерпнуть воды из бочки. Однако, когда он в панике вернулся с миской воды, то увидел, как молодой человек с силой вцепился зубами в своё запястье, крупные капли крови и потока пота смешивались и стекали вниз, было очевидно, что боль достигла предела.

При лунном свете на его худой и гладкой спине постепенно проявлялся огромный синий тотем с усами у рта и жемчужиной на подбородке — яростно проступала форма дракона!

Миска с водой с грохотом упала на пол, юноша в страхе задышался:

— У... учитель, в этом году снова началось, что же это такое...

Зубы молодого человека глубоко впились в его собственную плоть, кровь хлестала фонтаном, заливая его красивый профиль, отчего тот казался зловеще-бледным и свирепым. Юноша бросился вперёд, изо всех сил пытаясь оттянуть его руку ото рта, но это ни к чему не привело, от отчаяния его голос стал пронзительным и сорвался:

— Бей меня, учитель, не причиняй себе вреда, умоляю тебя...

С глухим стуком молодой человек оттолкнул юношу, затем, пошатываясь, слез с кана и, спотыкаясь, выбежал из деревянной хижины.

Холодный ветер пронёсся по серо-белой Великой пустыне, поднял клубы пыли и унёс их к линии горизонта под протяжный вой волчьей стаи вдаль. Юноша вскочил на ноги и подбежал к двери, увидев, как молодой человек от боли упал на колени, его окровавленные руки судорожно хватили песок, и он даже не замечал, как грубые песчинки втираются в раны.

Ежегодный кошмар снова начался.

Обычно безупречный, всемогущий, безукоризненный учитель сейчас казался опутанным злобным тотемом Лазурного Дракона на спине, его отчаянная борьба была тщетной, как будто в любой момент его могли утащить в тёмную бездонную пропасть.

Юноша вцепился в дверную раму, огромная боль и печаль разрывали его внутренности.

— Почему я такой бесполезный?

Если бы я мог помочь ему...

Если бы я мог стать настолько сильным, чтобы защитить его...

Дань Чао резко открыл глаза, разжал крепко сжатый кулак.

Яркий лунный свет проникал в комнату через окно, в гостинице было тихо, глубокой ночью вокруг царила безмолвная тишина.

Он почувствовал, что под ним мокро, и обнаружил, что весь его пот пропитал простыню.

Дань Чао встал, выпил воды, голова была тяжёлой и мутной, казалось, только что он видел сны о прошлом, но никак не мог вспомнить, что именно. Он изо всех сил пытался вспомнить беспорядочные фрагменты, но в сознании были лишь бескрайняя пустыня, бледный лунный свет и неумолчный, плачущий и стонущий холодный ветер в дикой местности.

Он дрожаще выдохнул и внезапно настороженно обернулся.

В комнате девушки напротив, казалось, доносились крайне тихие и странные звуки.

Тук-тук-тук. Дань Чао несколько раз легко постучал и спросил громче:

— Госпожа Лун? У вас всё в порядке?

В комнате лицо Се Юня было искажено судорогой, с него градом катился холодный пот, в руке он с силой сжимал осколки фарфора — только что, в муках, он неведомо как ухватился за чайную чашку, а затем, при полностью заблокированной внутренней силе, голой рукой раздавил её!

Ладонь снова залилась кровью, но он ничего не чувствовал.

Все ощущения были сосредоточены на спине, там будто кто-то сдирал с него кожу и плоть, каждый кровеносный сосуд, каждую мышцу разрывали заживо и обнажали на воздухе, а затем поливали самым крепким обжигающим вином, от боли человек готов был сойти с ума.

Весь огромный замысловатый знак Лазурного Дракона постепенно проявлялся на этой стройной и изящной спине.

— Госпожа Лун? Вы там в порядке?

Се Юнь сделал вдох — его кости мгновенно издали несколько щелчков, плечи, локти, суставы расширились и удлинились, весь он, казалось, сразу вырос на два-три цуня, потому что сильная боль не позволяла больше поддерживать состояние сжатия костей.

— Ничего, — хрипло произнёс Се Юнь, хотя голос слегка дрожал, он был предельно спокоен. — Беспокою великого монаха, со мной всё в порядке.

Дань Чао почуял неладное, но не мог войти, силой открыв дверь, он лишь смотрел на закрытую деревянную дверь гостиницы перед собой, и в сердце внезапно возникло странное чувство.

— Кажется, только что во сне он пережил знакомую сцену.

Деревянная хижина в ветрах и песках Мобэя, сдерживаемое дыхание и борьба под лунной ночью, а также юноша, вцепившийся в дверную раму, бессильная печаль и боль, проникающая в кости и даже душу...

—... Если что-то случится, — вдруг начал Дань Чао, словно бес попутал, — пожалуйста... обязательно скажите мне, позвольте хоть чем-то помочь...

Сказав это, он резко замолчал, в одно мгновение осознав, какую вольность он позволил.

В комнате наступила тишина.

По другую сторону двери, прислонившись к стене, Се Юнь стоял, холодный лунный свет освещал его слегка растерянное, усталое лицо.

— Спасибо тебе, — через долгое время он тихо ответил, и если прислушаться, в исчезающем окончании фразы, казалось, скрывалась тень грусти и мягкости. — Но на самом деле не нужно, со мной всё в порядке.

За дверью Дань Чао тихо закрыл глаза.

* * *

На следующий день, озеро Сиху.

Се Юнь, в белых одеждах и накинутом сверху широком тёмном халате, один лениво полулежал в маленькой лодке, одной рукой беспечно опущенной в воду, смотрел на озерную гладь, где в ароматном ветре плавали прогулочные суда и разукрашенные лодки.

Это уже был шестнадцатый день с тех пор, как они покинули Чанъань.

Полмесяца назад, в ту ночь, они прорвались из Дома Се и спрятались на ночь в уже закрытом на засовы городе Чанъань, а на следующее утро, едва забрезжил рассвет, переоделись и вышли за городские ворота.

К счастью, в резиденции командующего Се потеряли господина, а дворцовая стража — начальника, оба знали, что ни в коем случае нельзя придавать огласке, поэтому не осмелились проводить масштабные обыски в черте города Чанъань, и двое, захватив мечи Лунъюань и Тайэ, беспрепятственно отправились на юг.

— Причиной движения на юг, а не продолжения пути на север, стал вопрос великого монаха Дань Чао красавице:

— Амиитофо, осмелюсь спросить, как имя и фамилия благородной девицы, откуда вы родом? Этот бедный монах сможет безопасно доставить вас на родину, а затем уже строить другие планы?

Красавица ответила:

— Высокая добродетель великого монаха. Эта малая женщина носит фамилию Лун, с детства была похищена и не помнит родителей и родных мест, знает лишь, что родом из Сучжоу и Ханчжоу.

К счастью, приближённые Дома Се были сообразительны, взяли из дома золото наилучшей пробы, которого хватило бы на обмен на более ста лян чистого серебра, поэтому на пути на юг двое не испытывали трудностей. Однако левая рука Се Юня была пронзена насквозь, приглашение врачей и лекарства обошлись очень дорого, а также серьёзно задержало путешествие, поэтому потребовалось целых полмесяца, чтобы достичь земель Цзяннани.

Цзяннань богата, пейзажи разительно отличаются от столичных. Золотой осенью ветер ласков, солнце ясно, все улицы полны харчевен и винных лавок, молодые девушки с корзинами цветов зазывают покупателей вдоль дорог, литераторы и знатоки живописи группами прогуливаются элегантно и свободно, поистине картина процветания и изыска эпохи.

На озёрной глади множество прогулочных судов богатых семей, все завешаны шёлковыми занавесями, украшены пышно. Есть и разукрашенные лодки с певицами, играющими на чжэне и устраивающими пиры, что привлекает множество молодых аристократов, спешащих причалить, повсюду аромат румян и пудры разносится ветром.

Се Юнь тоже не нанимал лодочника, позволяя маленькой лодке свободно дрейфовать, подпирая голову рукой, чёрные волосы, подобные струящейся воде, ниспадали вдоль руки на борт лодки.

Одежды его были простыми и скромными, на голове была лёгкая шёлковая шляпа, разглядеть лицо было сложно. Но, в конце концов, долгое время находясь на высоком посту в столице, благородная и ленивая осанка всё же проступала из глубины души, многие с проходящих лодок оборачивались, с любопытством разглядывая его.

Командующий Се ленился обращать на это внимание, даже ненадолго закрыл глаза, чтобы вздремнуть.

Через некоторое время, когда время было почти подходящее, он слегка приоткрыл глаза.

Как и ожидалось, по озерной глади медленно проплывала невдалеке особенно благоухающая роскошью, сверкающая золотом и яшмой разукрашенная лодка.

Даже при обилии разукрашенных лодок поблизости, это огромное великолепное судно было очень заметным, при его прохождении все остальные суда на всём водном пути расступались. Маленькая лодка Се Юня безмятежно проплывала мимо, и сзади, невдалеке, с одного проходящего судна донёсся голос:

— Смотрите, разукрашенная лодка семьи Чэнь, первой по богатству в Цзяннани...

— Ц-ц-ц, действительно соответствует славе...

— Старший господин Чэнь снова вышел кататься по озеру...

<http://bllate.org/book/15578/1387069>